

КАК ВООБЩЕ МОЖНО ЖИТЬ БЕЗ ПОЛИТИКИ?

Василий Белов продолжает заниматься литературой, не любит юбилеев и не знает, что такое счастье

Наталья Серова

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ, ушедший 1997 год, юбилейный для вас, был на юбилей весьма щедр: 600 лет Кирилло-Белозерскому монастырю, 850 лет Великому Устюгу и Вологде...

— И Москве тоже 850. По этому случаю я обратился к москвичам со статьей. Я написал в ней, что раньше мы защищали Москву, а теперь России приходится самой защищаться от Москвы. Столица, как клещ, сосет кровь страны, доведя дело с сельским хозяйством до полного краха. Вчера по телевизору увидел, как пилоты, собравшись у Белого дома, требуют себе особую пенсию. Особую премию в 290 миллионов рублей получил, выйдя на пенсию, бывший председатель вологодского фонда имущества Безнощенко... Похоже, все заняты только собой и своим личным бюджетом. И никто не обращает внимания на то, что происходит в деревне.

— Вы неустанно и постоянно говорите и пишете об этом. Наш юбилейный разговор — еще одна возможность вернуться к деревенским делам. Чем стал для вас сам юбилей: рубежом, подведением итогов? Или датой, которую хочется проскользнуть, не заметив?

— Скорее всего вот это, последнее. Я вообще юбилей не люблю. Пятидесятилетие свое отмечал под давлением еще при коммунистах. Дальше решил юбилей вообще не отмечать. Православный русский человек юбилей не отмечал, дни рождения не праздновал, разве что день ангела...

— Выходит, мы привнесли в свою жизнь новое, а что успели утратить?

— За какие годы?

— За годы вашей жизни.

— За это время очень многое изменилось.

— В худшую или в лучшую сторону?

— Не в худшую и не в лучшую сторону, жизнь просто менялась. Идут двойные процессы. В последнее десятилетие пытаются возродиться и одновременно разрушается православие.

— Недавно вы написали публицистическую «Дорогу на Валаам», значит, с возвращением к ценностям православия связываете обретение народом нового «светлого пути»?

— Я это название сделал пока для себя. Оно не для народа придумано, оно подходит лично мне. А дорога всего народа мне неизвестна. Но я бы предпочел, чтобы дальше он, конечно, пошел валаамской дорогой.

— Кажется, вы сами пробуете идти именно этой дорогой... восстановили в родной деревне собственноручно храм...

— Храм восстановил, а священника нет. Когда на Успение из города приезжает священник, люди за тридцать километров съезжаются в Тимонию. Молятся, крестят детей. Смотрю на них и думаю: что будет с храмом, когда умру? Кто о нем позаботится? А вообще все идет, как написано в Апокалипсисе...

Процесс апостасии продолжается жуткими темпами во всем мире. Чем он закончится, боюсь судить...

— Вы доживаете свою жизнь с какой-то постоянной, неутрачиваемой болью...

— Возможно, но так было не всегда. Я был веселым, был оптимистичным, всяким бывал. Я живу сейчас с болью по простой причине: в моей родной деревне Тимонихе недавно умер последний мужик Фауст Степанович Цветков. Ни одного мужика, ни одной лошади не осталось теперь. Живут три старухи. Сколько они протянут еще? Мучаюсь от вопроса: кто уничтожил мою родную деревню? В Вологодской области за последние десятилетия исчезло с лица земли около десяти тысяч деревень. А ведь многие деревни существовали еще с IX века!

Я помню себя с трех лет, помню, какой была моя деревня в 1935 году. Веселая, многолюдная деревня, в которой почти не болели. Люди веселились, пели, плясали... А как много, сильно, красиво работали в первые колхозные годы! Потом, когда государство стало унижать колхозников беспаспортной системой, налогами, грабить, отношение к труду, конечно, изменилось. Крестьянство выдержало все: коллективизацию, индустриализацию, войну, в которой спасло страну. Помню, как в войну в нашей деревне пали все лошади. Восемь баб, опоясавшись веревками, впряглись в плуг и пахали вместо лошади. Потом так же и боронили. Работали от зари до зари. Помню, как маленьким пахал сам: ручки плуга поднимать не могу — умная лошадь ждет. В 1948 году я был счетоводом в харовском колхозе «Четвертая пятилетка», на трудодень выдавали сто пятьдесят граммов трухи и три копейки денег. Способны ли нынешние люди на такой подвиг? Сомневаюсь...

С тех пор и по настоящее время для меня фигура председателя колхоза — фигура вполне трагическая. Как же можно жить без боли, если сейчас в моей деревне уже три года не пахнут и не сеют? А ведь более тысячи лет моя родина пахала и сеяла. Ежегодно, как только стает снег, изволь, милый, запрягать кобылу. То, что не прерывалось более тысячи лет, прекратилось при нынешней, так называемой демократической власти. Больно, когда видишь, как все зарастает бурьяном: и пастбища, и сенокосные площади, и подсеки. Одно кладбище осталось.

— Деревню постепенно искусственно обезлюднили. Можно ли так же искусственно жизнь в ней возродить?

— Не знаю... У президента Ельцина одно предложение — продать землю, и дело с концом.

— Продать кому?

— Да кому угодно. Не сомневайтесь: желающие купить найдутся. Иначе почему так много людей желяют ввести куплю-продажу земли?

— Наверное, потому, что появилось много

свободных денег и вложить их хочется во что-то вечное...

—...так пожалуйста, если есть деньги — стройте, вкладывайте их в производство по переработке. В любое другое производство. Но зачем земля тем, кто не собирается на ней работать? Я согласен закрепить землю за человеком навсегда, если он будет на ней работать. Как это сделано в Финляндии, в Японии. Я был в Японии недавно. Там есть специальный закон, обязывающий сдать серьезный экзамен на крестьянина.

— Практический или теоретический?

— И тот, и другой. Ты должен доказать, что любишь землю, умеешь ухаживать за животными, можешь работать на машинах. Только сдавшему этот экзамен государство продаст землю.

— А какой закон был бы оптимально приемлем для России?

— Мне кажется, что землю должен пользоваться бессрочно, бесплатно тот, кто на ней живет, ее обрабатывает, содержит животных, имеет свой дом. Тот, чьи предки на ней жили и чьи потомки собираются делать то же. В первую очередь им землю и отдать. Пусть они ею распоряжаются, пусть сами решают, какой закон принять, какой банк установить, какие ограничения в купле-продаже сделать.

Неужели трудно понять, что на рынке земли современному русскому крестьянину делать нечего? На нем он потеряет все.

— Но ведь была попытка сделать крестьян владельцами земли через акционирование ее.

—...и ни к чему не привела. Вот в совхозе «Присухонский» акционировали землю, выделили старухам пай, обрабатывать которые они не могут. Эти пай за бесценок стали скупать люди, не имеющие отношения к земледелию. Не секрет, что земельный пай в деревне сейчас можно купить за бутылку водки.

— В нынешней деревне сохранились еще дееспособные структуры, бывшие колхозы-совхозы, а ныне товарищества. Разве на них нельзя опереться, чтобы не с нуля в деревне начинать?

— Конечно, можно. Зачем разрушать то, что существует, как бы оно ни называлось: колхоз, коммуна, товарищество. Другое дело, что многим хозяйствам не под силу фантастические цены на машины, горючее, удобрения.

— Как вы считаете, угроза физического исчезновения России реальна?

— Россия может исчезнуть как независимая страна, а ее земли, леса, воды, недра будут просто раскуплены желающими обновить страну иностранцами. Странный, правда, способ обновления... Норильск продан неизвестно кому. Я видел передачу Евгения Киселева о Липецком металлургическом комбинате и впервые в жизни зауважал его. Я бы эту передачу повторил, чтобы ее все еще раз посмотрели. Комбинат акционировали, а прибыль он дает только англичанам. Наши рабочие трудятся, инженеры служат и ничего не имеют. То же и в Норильске.

— Согласитесь, что трудно живущий человек не осознает этой угрозы.

— Конечно. Ее осознают только немногие. Средства массовой информации пытаются внушить народу, что политика ему надоела, что и не надо ею заниматься, а надо спокойно работать. Это неправда. Как вообще можно жить без политики? Мы обязаны заниматься политикой, разбираться в том, что происходит. Иначе на нас сядут и поедут. Что, впрочем, сейчас и происходит.

— Есть и другой взгляд на будущее России. Наша страна так духовно богата, что говорить о ее исчезновении просто несерьезно, была и будет всегда.

— Всегда или не всегда, не знаю. В одном вы правы: Россия — такой кладезь духовных и материальных богатств, что исчерпать ее трудно. На нашем веку это, наверное, и не произойдет. Но ведь есть и другие опасности. Я был в богатой Швеции и подумал, что не так уж ошибочны были наши коммунистические представления о капиталистическом обществе. Материально они богаче, духовно значительно беднее нас. Я обошел весь Стокгольм, был во многих галереях и могу утверждать, что в Вологде хороших художников гораздо больше. Процветающая страна не создала ничего значительного ни в искусстве, ни в музыке. Бергманом гордится...

— Ингмар Бергман — крупнейший художник XX века.

— Кино вообще, на мой взгляд, не искусство.

— Он работает не только в кино. Пишет, работает в театре.

— В Берлине меня просто потрясли музеи. Таких музеев у нас нет. И все. Современная немецкая музыка отсутствует, живопись — один модерн, литература не на высоком уровне...

— Суммируя вашу тревогу, можно сказать: богатея материально, общество будет утрачивать способность и потребность творить. Но есть же опыт столь любимой вами Японии, где техника и высокие технологии XXI века гармонично сочетаются с почитанием старого искусства.

— Написал я сейчас статью о дефиците информации о Японии. Ни мы о них, ни они о нас почти ничего не знаем. Нас умеренно отдают от Японии, от Востока вообще. Это делается искусственным образом.

— А по-моему, это получилось естественно, само собой. Сейчас, наверное, в Японии в состоянии съездить лишь тот, кто может платить. А это совсем не те, кто в состоянии что-то перенять...

— Меня поразило, что они преуспели не только в технике, но и взаимодействуя с другими странами и народами. Избегая дурных влияний, сохранили себя и развивают свою культуру дальше. Удивило, как трудно японцу, жившему за границей, снова получить японское гражданство.

(Окончание на стр. 10)

КАК ВООООЩЕ МОЖНО ЖИТЬ БЕЗ ПОЛИТИКИ?

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Могущество Японии, наверное, во многом основано на самобытной системе воспитания и образования. Кто-то из мастеров петербургского АБДТ рассказывал, что на спектакль «Дядя Ваня» привели совсем маленьких детей, чтобы эстетическое наслаждение от чеховского спектакля осталось с ними на всю жизнь. Что утратили в своей школе мы?

— Очень многое утратили, начиная с учебников. Позор, что у нашего государства не находится денег на учебники, что их выпускает Сорос, который платит нашим учителям жалкие доллары. И голодные люди их берут. Помню, я очень любил дореволюционные учебники. В них сочеталось все: и родная речь, и физика, и химия, и что-то странное, неувидимое...

—...любовь, привязанность к Родине?

— Это получалось ненавязчиво, само собой. Это была сфера просвещения, а не образования, как сейчас. С утратой этого названия многое ушло. Неудивительно, что наше население сейчас как бы утратило чувство самосохранения. Никого вроде бы не возмущает, что наша Сибирь уже поделена на сколько-то там штатов. Ее, как Аляску, предполагают купить у нас. И деньги уже припасли. Осталось совсем немногое: провести опрос населения, указ президента и... И Дальний Восток также можно продать китайцам или тем же японцам...

— Может быть, отсутствие чувства самосохранения и побудило начать поиск русской национальной идеи? Есть же у Америки ее «американская мечта». Как вы к этому относитесь?

— Отрицательно. При нормальной жизни

это должно происходить само собой. В душе каждого человека. Специально искать русскую идею смешно. Так же нелепо делить идеи по национальному признаку.

— Возможно, сейчас, когда у нас нет никаких опор, национальная идея отчасти могла бы стать опорой?

— А откуда вы взяли, что у нас нет опор? Из газет? Они это постоянно внушают.

— Помните, Уваров когда-то предложил России свою формулу: православие, самодержавие, народность. Она скрепляла русский мир.

— И сейчас скрепляет. Я уваровскую формулу признаю. Что в ней плохого?

— Ничего. Но если она скрепляет нашу жизнь, то почему мы продолжаем жить, под собою не чуя страны?

— Вы хотите от меня готовых рецептов?

— Возможно, ведь вы так протестовали, когда я высказала, что опор у нас нет.

— Опора у нас есть — православие, наша традиционная религия.

— Но у нас не моноконфессиональная страна. Государственными религиями признаны ислам и иудаизм.

— Кем признаны? Не народом же русским, а надстройкой правительственной. А под шумок кто только не внедряется в нашу жизнь: и сектанты, и протестанты, и католики. И даже «Аум Синрикё».

— В массированном нашествии чужих конфессий не проявляется слабость православия?

— Мне кажется, что проявляется.

— Как же укрепить традиционную Церковь и укрепиться духовно самим?

— Читать сочинения покойного митрополита Иоанна Ленинградского и Ладожского.

— Кого еще вы склонны отнести к современным пророкам?

— А что такое пророк вообще?

— Не знаю. Может быть, человек, у которого болевой порог заметно отличается от среднестатистического...

— Для меня такой человек — Иван Александрович Ильин. Он появился в моем сознании совсем недавно, лет пять назад. Раньше у меня не было возможности познакомиться с его сочинениями.

— Ильин действительно многое предвидел, даже расчленение России. Во времени, которое он предвидел, нам выпало жить. Вам не кажется, что мы все, страна и народ, слишком долго пребываем в некоем социальном дрейфе? У вашего друга Василия Шукшина есть замечательный образ. Он писал о себе, что он уже не деревенский и еще не городской; одна нога на суше — другая в лодке. Этот образ не исчерпывает нынешнее состояние нашего народа?

— Не знаю, но он мне не нравится, этот образ.

— Почему?

— Потому, что ущербный. Что значит, одна нога на суше, другая в лодке?

— Не идешь и не плывешь.

— Шукшин был художником и имел право использовать любые образы. При чем здесь положение нашего народа? Оно совсем не таково. Наши ноги свободны.

— А что не свободно?

— Голова.

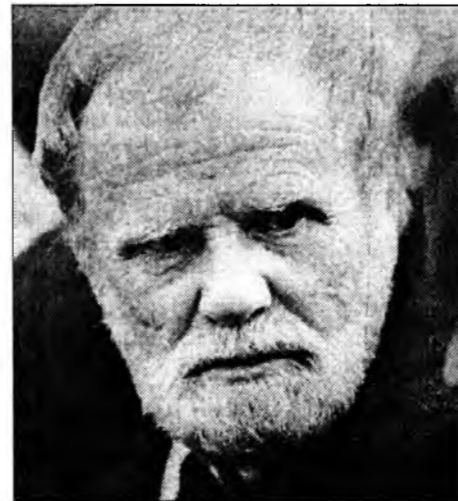
— От чего ее освобождать?

— От всех видов наркотиков: от пьянства, от наркотиков, широко распространяющихся среди молодежи, от теле-, кино- и рок-наркотиков. Ну назовите мне, какие песни народ сейчас поет?

— Старые песни о главном, прекрасные, мелодичные песни, написанные в советское время.

— А я считаю, что музыкальный геноцид нашего народа продолжается и узаконивается сейчас с помощью радио и телевидения. Глинку или Чайковского послушать невозможно, не говоря о народной песне. Почитайте Шалапина: как и какие песни пел русский народ! Работал ли, отдыхал ли, праздновал ли, путешествовал ли, везде и всегда пел свои народные песни. Всегда пел. А что сейчас? Впрочем, что говорить о песне, если исчезает само население? Ежегодно на полтора миллиона сокращается население страны. Россия вымирает. По модной теории о золотом миллиарде населения, нам скорее всего места на земле не предусмотрено.

— Что ж за беспомощность такая? Разве нет механизмов для восстановления хотя бы того же чувства национального самосохранения? Вы говорили о теленаркотике. В той же Англии знаменитое Би-би-си существует на деньги налогоплательщиков и с национальными интересами считаются. У нас единственный государственный телеканал почти в частных руках...

Василий Белов.
Фото Бориса Кауфмана (НГ-фото)

— Сами виноваты во всем. Добились таких «успехов». Я думаю, власть у нас еще долго не будет считаться с национальными интересами. Но я надеюсь, что и до настоящей власти еще доживу.

— Хорошо, что вы не унываете и много делаете для того, чтобы что-то к лучшему начало меняться. Пишете книги, статьи, постоянно встречаетесь с людьми в самых разных аудиториях. Как вам кажется, вас понимают, слышат?

— Как не слышат! Боюсь иногда просто в город выходить. Останавливают и спрашивают: как жить? Где вашу книгу взять? Руками развожу: не знаю, где книгу взять.

— Ваш пятитомник так и не вышел?

— Нет. У меня сейчас сразу три книги в Москве не вышли. Хотя благодаря губернатору и администрации области в Вологде одна книжечка издана, хоть и маленьким тиражом.

— Письма от читателей продолжаете получать?

— Их стало значительно меньше. Конверты не дешевы. Да что о читателях говорить, у нас, в областной организации Союза писателей, денег нет, чтобы купить карандаши и выписать хоть одну газету. Но несмотря ни на что, люди и пишут, и звонят.

— О чем спрашивают?

— Чаще всего спрашивают на меня ответственность за всякие политические невзгоды. Дескать, куда вы там глядите? Видимо, по инерции обращаются ко мне как к депутату.

— А может быть, как к лучшему? Ведь отношение к литературе как к святыне в провинции еще сохраняется.

— Не знаю. Я занимаюсь литературой потому, что дело это люблю и оно мне интересно во всех смыслах: и в политическом, и в экономическом, и в эстетическом. А начал заниматься литературой от горечи и боли, испытанных еще в детстве. Тогда была большая боль. Я считал себя униженным и

оскорбленным, как несколько поколений крестьян. У меня не было паспорта, я был крепостным. И ощущение несвободы испытывал в полной мере. Может, и поэтому окупился в политическую жизнь, вступил в коммунистическую партию. Проявить себя тогда можно было в одних рамках, в партийных. Вступал в партию с верой, что буду бороться с несправедливостями в стране — хотя бы за то, чтобы у крестьян были паспорта.

Вы и представить себе не можете, какие дикие, совершенно чудовищные вещи творились тогда. Помните мой рассказ «Клавдия», написанный на грязевом материале? Девушке, чтобы соединиться с любимым, необходим паспорт. Чтобы получить паспорт, она выходит замуж за другого, бросает его и едет к первому, но тому замужняя оказалась не нужна. Он отказывается от нее. Сколько было таких, невидимых миру трагедий! Когда Хрущев ввел паспорта для крестьян, интеллигенция этого великого дела просто не заметила. Словечком не обмолвилась!

— Интеллигенцию вы не слишком жалуете... — Да, к ней у меня чувство, прямо скажем, не очень...

— Почему? Она ведь разная. Есть настоящие подвижники, продолжающие работать, не получая по году зарплаты даже сейчас, когда объявлено, что долги отдалены.

— Вы говорите о подлинных настоящих интеллигентах. Но ведь интеллигентом считает себя и Егор Гайдар, отнявший у нас все. Для меня понятие «интеллигенция» пока довольно неопределенное.

— А как относитесь к желанию интеллигенции объединиться в свой конгресс, который в конце года прошел в Москве?

— Любая идея, которая служит объединению народному, мне нравится. Любими путями надо объединяться, в том числе и такими. На предыдущем конгрессе интеллигенции я выступал с резкой критикой президента Ельцина. Может, поэтому на нынешний и не позвали...

— А вам не кажется, что многое стало бы стремительно меняться в России, если бы у власти было больше женщин, как во многих других развитых странах?

— Нет, женщинам с Россией не справиться.

— Почему же? В Великую Отечественную со всем справлялись, а в мирные дни не смогли?

— Думаю, не сможете.

— Жаль, что вы так думаете. Мы коснулись многих болевых проблем. А что сами мы — уже сейчас — можем менять к лучшему?

— Очень многое можно сделать, если каждый человек будет заниматься политикой. Если каждый будет активен, станет разбираться в складывающихся ситуациях, будет активно хотя бы ходить на выборы. И выбирать не кого попало, а тех, кто работает в общих интересах уже сейчас.

— Выборы дело тонкое. Они проходят, и ничего не меняется.

— Надо самим менять. Я, например, хочу помочь Михаилу Карачеву, директору дирекции по охране памятников. Он многое сделал и продолжает делать для спасения древней деревянной Вологодчины, несмотря на угрозы физической расправы. Увы, очень жизнеспособной оказалась установка бывшего председателя сполкома Власенко, обещавшего «снести все деревяшки». Что и происходит.

Большинство относится именно к историческому наследию. Только единично, какой сохранился. Пройдите вон по московским улицам, найдите надписи на щитах, на домах, вывесок, от рекламы волосы дыбом, мы так восприимчивы ко всему дурному, безвкусному?

— В дореволюционные времена Вологда, если верить Островскому, театральным центром, из Вологды в Керчь и из Керчи в Вологду брели его Счастливец и Несчастливчик. В советские времена ее считали культурно-тературным центром страны. Но своего издательства как не было, так и не было.

— Ее обязательно надо возродить? — Что наш губернатор Позгалев не следит за делом своего шефа по Совету Федерации Александра Строева, сумевшего создать на Орловщине такие условия, что все писатели там живут. Но и наш губернатор писателем, по мере сил поддерживает. У нас появляются маленькие издательства, мизерными тиражами выходят книжечки, но это все же не примитивно и несерьезно. Книжки выходят с редактуры и корректуры, даже с грамматическими ошибками. Понимаю, что это связано с общими болезнями общества, но что-то надо... Все упирается в отсутствие денег. Я наблюдал, как ищут их для афганских чернобыльцев, для учителей и медиков, ужаснулся: как дошли мы до жизни такой. Но в забастовках и, тем более, в голодных протестах, чаще всего безрезультатный.

— В предисловии к вашему «Ладу» вы пишете, что стихию народной жизни не обманывают в какие искусственные формы она выливается. Как же нам быть в развороте бурей быте?

— Работать! Своим читателям я говорю, что без дела не сижу. Продолжаю работать, сколько могу, хотя работает уже не так раньше. Не так легко и не так интересно. Подчас приходится заставлять себя работать, чтобы не останавливаться. Издана моя историческая хроника «Канунья». Продолжаю работать над третьей книгой под названием «Час шестый». Главы ее выходят в журнале «Наш современник». Планов у меня много, но главная задача — закончить эту книгу. Хочу написать автобиографическую повесть, столько интересного народа видел...

— Не подводя итоги, чувствуете себя счастливым?

— Я не знаю, что значит счастье. Наверное, это спокойная семейная жизнь. Мое счастье зависит от здоровья моих родных и близких. Когда умерла мама, я три года не мог нормально читать, ни писать... Боль не прошла до сих пор.